

У облака привкус
овечьего сыра.

Катая оливку –
живи на полмира.

Здесь в сладости горечь
болгарского хруста,
и зоркое море –
до радости грустно.

Пусть слёзы от лука,
пусть терпкая осень
перчинки в разлуку
из дома заносит.

Лимонные волны
в оливковой дали
Кассандре покорны,
и гаснут едва ли.

Родная душица,
зеновка, матрёшка –
как тут не забыться,
присев на дорожку.

Олимп над заливом
напротив таверны.
Казаться счастливым?
Возможно, наверно...

8.09.2022, Сивирь

БОГОМАТЕРЬ

Бездарный месяц. Не весна,
а Катюжанка
взбивает синь, вскрывает темь,
вот-вот гроза,
а город пуст, а город нем,
и как из танка,
из чёрных окон, из-за сна
следят глаза.
Следят глаза из маеты
тугого быта,
портьера дрогнет – отблеск, луч
скользнёт тайком.
Как воздух сжат! Как смысл тягуч!
Как всё избыто!
Затянуто до точки «ты».
Ты босяком
сбываешься, как часть войны,
как область плана,
где в камуфляжные часы
приходит жуть,
где меры нет, где нет красы,
где блажь экрана,
и кажется, что нет весны –
всё как-нибудь.

Всё – как управит...
Лёгкий жест,
как взмах одежды,
и вот уже родная синь
в бетонной мгле,
и будет благо, будет Сын
дарить надежду –
оконный, он нательный крест,
вся боль в стекле.
Так смерть гребёт то здесь, то там,
в свинцовой ступе.
Разболтан целый горизонт,
гудит праща.
И только Сын твой вознесён
и неотступен,
и за Него, за Божий храм
горит душа.

30.03.2022 – 26.09.2022

ПОЭТ В ЭСТЛЯНДИИ

Северянин, Северянин –
блеск живца!
Кто в Эстляндии помянет
мудреца,
словолова удалого
в дебрях лет?
До чего же горько слово –
пустоцвет.
Северянин, Северянин,
ты один
у Эстляндии в тумане
из седин.
Не глубокое, но подлое
житьё.
Поэтическое кодро –
не твоё.
Северянин, Северянин,
ты лови –
в море пасмурном герани,
соловьи.
В море выцветшем – кружись,
назло ветрам!
Не для жизни
только сырость по ночам.
Северянин, Северянин,
оглянись!
У луча за тусклой гранью
сжалась высь.
Небо катится волною
по губам,
отдаваясь то прибою,
то стихам.
Северянин, Северянин,
кумжа, сельдь –
обожают хуторяне
рыбу есть.

С КАВАФИСОМ

Выпивая с Кавафисом,
ничего не меняется,
только шире разломы,
доверчивей память.
Выпивая с Кавафисом
Греция мается –
от Хаоса до Храма,
собою самой влекома.

И опять в книжных залежах –
Александрия

разгорается заживо.
Как грибница в песке
беспристрастна София,
на её волоске
мир всегда и впервые.

И бредёт впереди Одиссей
никому неизвестный,
то ему предлагают любовь,
то – взащей.

А взамен будут древние песни,
и мечты обольстительный тлен.

Выпивая с Кавафисом
по пути на Итаку
мы всё больше молчим
о любви,
даже юность горчит,
укрывая порочные знаки –
кровит
в непроглядной до бегства ночи.

Выпивая с Кавафисом
зоркое ципуро
в каплях клепсидры
оставляет без выбора
Июля,
Геракла, и Гидру,
звонким мифом расплёскиваясь –
в блёстках
орбит сгорая.

А на забрале славянская дочь
кличет на всю Итаку:
«Ветер, гони нас прочь
из троянского мрака,
не заводи коня,
огороди волною!
Перебирая пепел –
степи встанут за мною!
Смеешь ли ты, меня,
жену,
называть вдовою?»

Выпивая с Кавафисом,
каждый глоток,
как китайский фонарик
продолжает лететь
на восток,
пропадая в мучительной гари
над Фанаром.
Но едва ли
в нём кончится свет.

Выпивая с Кавафисом –
уже и пространства нет.

12.10.2022

ОДА КИЕВСКОМУ ПОЭТУ

Аттиле Могильному

Ах, Аттила, накатила,
повела кружить молва:
было – не было, да сплыло –
выболталась голова,
закружилась, закатилась
за холмы, за острова.
Что на пьяном сердце ныло?
Что цеплялось за слова?

Ах, Аттила, это осень,
что тоскует о поэте.
Это в окнах тени сосен
пустоту дыханьем метят.
Это клёны голы-босы.
Это слёзы с жару, с пылу.
Ах, Аттила, это просыпь,
что сознанию не под силу.

Ах, Аттила, до могилы
только клавиш промежутки.
Что влекло, и что любило?
Был прекрасен, или жуток?
Что ты предал? Что ты пропил?
Что со дна вздымало в пене?
Ах, Аттила, это дробь,
Это сбитый шаг ступеней

в полутёмные кофейни,
где дотошные расчёты
у судьбы с мечтой трофейной,
и почти не ясно, кто ты?
Отдыхает мирозданье
за бессменной горькой стойкой.
Что подвластно причитанью –
скроется за оговоркой.

Только осень будет биться
всеми листьями под ноги.
Отрывав, ожесточится,
перепутает дороги,

что вели когда-то в городе,
где давно уже всё было.
Поднимая куртки ворот,
курит в сумерках Аттила.

4.11.2022

К ПУШКИНУ

К.П. Воробьёву

Что же нам делать, когда начинается смерть?
Нет, не закат, настоящее потное дело!
Твердь поддаётся излому и пугала жердь
кровоочит на её осквернённое тело.

Кто здесь герой? И кого избегают пути?
Некому вспомнить о тех, кто не выдохся с ложью.
Ах, Александр, ты ещё далеко впереди,
и до тебя то безбожье, то бездорожье.

Томик стихов обожжённых везу в тарарам –
здесь, в чужине, на чужбине отечество ближе.
Нам до тебя наизусть, как на свет по слогам,
чтобы сгорая бесславно, в стихах твоих выжить.

11.01.2023

ВЕЧНЫЙ ДОМ

Рыхлое небо за пазухой, жжёт горизонт,
циркулем кружит вороны строила.
Вытащу облако, дуну и стану под зонт,
азбучных истин Мефодия и Кирилла.

Книжное дело в дали монастырских скитов –
светлая радость на горьких поминках.
Славься! Присутствуй! Со всех ненасытных Голгоф
выведут только невидимые тропинки.

Сердце в смычках – разошёлся небесный оркестр!
Смерть отступает, сбивается дробь циферблата.
Круг, да квадрат, в середине Андреевский крест,
а на груди то ли ладанка, то ли заплата.

14.01.2023